

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. С. ПОПОВ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И ПОНЯТИЕ

Настоящая статья имеет целью вскрыть тесную зависимость и связь значений слов того или иного языка, как национального явления, с понятиями, имеющими универсальный характер, и попытаться показать, каким образом язык, будучи национальным, общественно-историческим явлением, соотносится с общечеловеческими закономерностями мышления.

1

Вопрос о значении слова представляет особый интерес как для языковеда, так и для логика. В прошлом языковеды (особенно когда касались специально вопросов семасиологии) неизменно пользовались термином «значение слова», однако они не выявляли в своих определениях того, что собственно под этим подразумевается. За последнее же время советские лингвисты дали ряд уточняющих формулировок.

В статье покойного А. И. Смирницкого «Значение слова», очень интересной и для логиков, значение слова определяется как «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития»¹. В этом определении мы имеем наиболее полное раскрытие основных сторон изучаемого явления, в связи с чем большинство языковедов берут именно его за основу².

Без определения и изучения значения слова могут обходиться лишь языковеды, стоящие на ошибочных идеалистических позициях — у них термин «значение слова» теряет свой устойчивый смысл, в силу чего утрачивается всякая связь слова с действительностью. Так, для Фосслера о значении слова вообще нельзя говорить, ибо с его точки зрения мы каждый раз вкладываем новое значение в одно и то же слово³. При таком подходе теряется различие между значением слова как определенной языковой единицей и его употреблением. Еще более нигилистично к вопросу о значении слова подходит Леонард Блумфилд. Для его понимания вопросов семасиологии определяющим является тяготение

¹ А. И. Смирницкий, Значение слова, ВЯ, 1955, № 2, стр. 89.

² См., например, Л. С. Ковтун, О значении слова, ВЯ, 1955, № 5, стр. 69.

³ См. K. Vossler, Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie, München, 1923. (Über grammatische und psychologische Sprachformen).

в сторону бихевиоризма. Отсюда его парадоксальное утверждение, согласно которому значение слова — это та ситуация, при которой говорящий произносит языковую единицу, и та реакция, которую она вызывает у слушателей¹.

Разумеется, при таком понимании бессмысленна самая постановка вопроса о взаимоотношении значения слова и понятия.

Для советского языкознания важнейшим является положение о том, что значение слова никогда не может быть сведено к простому знаку. Знаковость слова относится к другой его стороне, значение же слова может быть истолковано лишь как отражение действительности. На эту сторону дела обращает внимание Е. М. Галкина-Федорук: «Слово со стороны смысла, содержания не может быть знаком объективного мира, так как своим содержанием слово отражает действительность, но звуковая сторона слова может пониматься как знак, закрепленный за предметом, вещью, действием, т. е. содержанием слова»². И в самом деле, название вещи, раскрываемое тем или иным словом, еще не является значением слова. Как указывал еще К. Маркс, название вещи не имеет ничего общего с ее природой.

Если иные языковеды и не подчеркивают эту сторону вопроса, то во всяком случае они ее не исключают и в своем понимании не расходятся с точным определением А. И. Смирницкого. Так, Л. А. Булаховский пишет: «Значение слова... — то содержание его, обнаруживаемое по отношению к действительности, которое о своем реальном существовании заявляет наличием в основном одинакового понимания у того, кто произносит слово, и у того, кто его слышит»³.

При разработке вопросов лексики и семасиологии языковедам приходится говорить и о понятиях. Правда, останавливаясь на определении значения слова, лингвисты редко дают свое определение понятия, тем не менее они учитывают важность этого фактора. Как отмечает Р. А. Будагов, «старая наука о языке рассматривала все эти явления (полисемии, „переноса“ значения и т. п. — *И. П.*) только как логические категории... Старое языкознание верно улавливало устойчивый формально-логический характер этих категорий, но неправильно истолковывало их, считая, что сами эти категории непосредственного отношения к языку как историческому и общественному явлению не имеют»⁴.

Вопрос, однако, не сводится только к тому, чтобы вскрыть взаимоотношение терминов; необходимо показать, каким образом сосуществуют значение слова, понятие, логическая категория. Мы исходим из того, что действительность всякой мысли — это язык. Значения слов входят в ту или иную языковую систему. Вполне понятно, что они имеют национальный характер, их национальное своеобразие несомненно⁵. Между тем и понятия возникают на базе языкового материала, т. е. такого общественного явления, которое имеет национальный характер. Сказать, что понятия имеют чисто национальный характер, никто не отважится. Формы и законы мышления одного народа не расходятся с логическими формами и законами другого; категории, формы мышления не национальны. Но

¹ См. L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 139.

² Е. М. Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иж. яз. в шк.», 1952, № 2, стр. 9.

³ Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953, стр. 13.

⁴ Р. А. Будагов, К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике, ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2, стр. 110—111.

⁵ См. В. А. Звегинцев, О принципах семасиологических исследований, Автореф. докт. дисс., М., 1954, стр. 17.

откуда же берется этот внеязыковой момент? Ведь все понятия имеют языковую оболочку, а оболочка эта имеет национальный характер.

Подобную же постановку вопроса мы находим у некоторых зарубежных ученых. Так, Лео Вейсгербер в докладе «Язык и образование понятий», прочитанном в 1936 г. на Международном конгрессе языковедов в Копенгагене, выдвинул правильный тезис: «Определительная для рода человеческого речевая способность является основой образования понятий». Там же он говорит: «Мыслимые средствами языка содержания находятся не вне языка, но принадлежат языку. Мало того, являются самым существенным в языке». «Каждый язык поднимает всех говорящих на данном языке на высоту понятийного осмысления и овладения миром, чего люди не могли бы достигнуть, предоставленные самим себе»¹.

С наибольшей ясностью проблема раскрывается в связи со следующими соображениями акад. В. В. Виноградова. В системе значений, выражаемых словарным составом языка, он выделяет прямые значения, которые как бы непосредственно направлены на предметы, явления, действия и качества действительности. Такое номинативное значение слова образует фундамент всех других значений и применений. В. В. Виноградов подчеркивает устойчивость этих основных значений слов; он предлагает называть их свободными по сравнению со всеми другими значениями, поскольку те являются производными². Для простоты назовем эти основные значения изначальными, или непроизводными³.

Установив несколько типов лексических значений слова в связи с приведенным разграничением различных видов значений слов, В. В. Виноградов переходит к вопросу о понятии. Понятие может стать основным номинативным значением слова (по терминологии В. В. Виноградова, «свободным»), но если взять семантику слова в целом, рассматривая его в аспекте системы языка, то она не может ограничиться выражением только этого понятия. В. В. Виноградов заключает так: «Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обростает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа»⁴.

Весь вопрос сводится к тому, каким образом общечеловеческое понятийное содержание может оказаться обросшим такими смысловыми оттенками, которые имеют чисто национальный характер. Если иметь в виду, что понятия возникают на базе языкового материала, являясь в этом отношении образованиями, аналогичными значению слова, то при таком понимании неприемлема мысль о том, что понятия как бы извне привходят к словам и получают свое выражение в значении слова (как это истолковывалось еще со времен Буслаева). Скорее наоборот — слово (как указывал в свое время Потебня) как раз и является средством изменения образа в понятие, слово направляет мысль к обобщению, в этом отношении имен-

¹ L. Weisgerber, *Sprache und Begriffsbildung*, «Actes du Quatrième congrès international de linguistes», Copenhague, 1938, стр. 35, 39.

² См. В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, № 5, стр. 12.

³ Дело здесь не в термине. Некоторые лингвисты называют эти значения общими (но так их можно назвать только в том смысле, что они фиксируют какой-то признак, который явно или скрыто можно найти у всех производных значений, а не в смысле его применения к той или иной предметной области), Р. О. Якобсон употребляет термин «основное значение» («Grundbedeutung»), которое он отличает от главного значения («Hauptbedeutung»); французы отличают собственное значение («sens propre») от переносного («sens figuré»); Е. Р. Курилович ввел термины «первичная» и «вторичная» (семантическая) функция (см. ВЯ, 1955, № 3, стр. 73).

⁴ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 29 (разрядка наша. — П. И.).

но язык и формирует понятия. Вспомним высказывания Потебни: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее»; «Слово есть средство образования понятия, и притом не внешнее, не такое, каковы изобретенные человеком средства писать, рубить дрова и проч.»; «Слово есть выражение мысли лишь на столько, на сколько служит средством к ее созданию»¹. Может быть, самым существенным в мыслях Потебни о слове является то, что именно благодаря слову образ может превратиться в понятие.

Можно дополнить основной тезис Потебни характеристикой, которую дает современный автор созиданию мысли в слове: «В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы... ее формируем. Речь здесь нечто большее, чем внешнее орудие мысли; она включается в самый процесс мышления как форма, связанная с его содержанием. Формируя свою речевую форму, мышление само формируется»². Поэтому нельзя согласиться с И. А. Булаховским, когда он пишет: «Слова являются важнейшим средством для нормального (говорящего) человека сформировать и закрепить звуковыми знаками добытое из действительности обобщенное знание предметов, явлений и т. д.»³ В самом деле, прежде чем закреплять «звуковыми знаками», т. е. словами, обобщенное знание, надо его добыть, а добывается оно при наличии орудия, являющегося носителем общего, т. е. при наличии слов, языка. Процесс прямо обратный: самое обобщение формируется средствами языка — в этом как раз и состоит главная роль второй сигнальной системы.

И. Д. Бланк в опубликованной в 1955 г. статье формулирует, не поясняя: «Значение и понятие в слове диалектически связаны». Далее, приводя определения значения слова Е. М. Галкиной-Федорук и других авторов, он замечает: «Нам представляется, что эти определения недостаточно четко и ясно оттеняют различие между значением и понятием...». Однако вразрез с этим там же сказано: «Под значением слова мы понимаем совокупность понятий». Наконец, один из выводов (четвертый) изложен в статье следующим образом: «Значение слова тесно и неразрывно связано с понятием. Чем шире понятие, выраженное словом, тем шире значение»⁴. Все это по меньшей мере загадочно и противоречиво. Для последнего вывода следовало бы хоть на одном примере показать, чем объем понятия по существу может отличаться от объема значения соответствующего слова, а также, чем содержание значения слова отличается от соответствующего понятия. В противном случае кажется, что здесь простая тавтология $A=A$, ибо, разумеется, объем значения слова *прихоть* просто совпадает с объемом понятия «прихоть». Никак нельзя согласиться и с теми авторами⁵, которые считают, будто значение слова есть реализация понятия средствами определенной языковой системы, или что слова не отражают действительность, а выражают понятия, или же, наконец, как говорит один автор, что обмен мыслями в человеческом обществе возможен лишь потому, что в значениях слов разных языков закреплены, отражены соответствующие понятия, общие для всех людей.

¹ А. Потебня, Мысль и язык, Харьков, 1913, стр. 141, 136, 154.

² С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1946, стр. 416.

³ И. А. Булаховский, указ. соч., стр. 19.

⁴ И. Д. Бланк, К вопросу о слове, понятии и значении, «Ученые записки [Орехово-Зуевского гос. пед. ин-та]», т. II, Факт русск. языка и лит-ры, вып. 1, М., 1955, стр. 239—243, 251 и др. (разрядка в цитатах наша. — П. П.).

⁵ См. например: И. С. Ковтун, указ. соч., стр. 77; Б. В. Беляев, О слове и понятии, «Ученые записки [1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков]», т. VIII, 1954, стр. 209; Р. Гинзбург, Проблема значения слова в свете сталинского учения о языке, «Ин. яз. в шк.», 1952, № 4, стр. 41.

При таких формулировках выявляется точка зрения, прямо противоположная ленинской теории отражения. Ведь средством образования понятия является слово, которое так или иначе всегда есть нечто общее. Именно в связи с этим понятия и могут отражать общие связи и отношения действительности; таким образом и возникают понятия на базе языкового материала через посредство значения слов. Обратная же точка зрения будет заключаться в том, что не предметный мир, а понятия отражаются в значениях слов, что значение слова закрепляет в нем то или иное понятие — это, по существу, идеалистическая концепция.

Возникает и другой радикальный вопрос: можно ли отмежевывать понятие от значения слова? Мы сейчас будем говорить не о научных понятиях, а о самых простых бытовых или общенародных понятиях¹. В своей прежней статье о понятии слова я писал: «Следует различать понятие в широком смысле и в специально научном смысле. Первое можно назвать значением слова. Слово обычно складывается в связи с тем, что оно оказывается средоточием значения, прочно фиксирующим то или иное содержание. Значение слова может и не отражать всех необходимых и существенных признаков фиксируемого явления, но оно является носителем устоявшегося смысла в результате многомиллиардной человеческой практики, пусть и не отражающего всех существенных признаков, но все же отражающего признаки определяющие»².

Намечающееся несогласие некоторых авторов с предложенным определением сводится к тому, что значение слова — это одно, а общенародное бытовое понятие — это совсем другое, оно существует как бы само по себе и только выражается в значении слова³.

Чтобы конкретно подойти к решению поставленного вопроса, нужно точно учесть, чем оперируют лингвисты, имея дело со значениями слов, и что имеет в виду логик, когда анализирует понятия с их формальной стороны. Действительно ли материалом анализа лингвистов является что-то одно, а перед умственным взором логика находится нечто совсем другое — то, что только выражается в значении слова, а вовсе не совпадает с самим этим значением.

Посмотрим, как анализировал значение слова Л. В. Щерба. «Словом *стол* в русском языке, — писал он, — называется всякий предмет, который состоит из более или менее горизонтальной поверхности, подвнятой приблизительно на один метр и служащий для деятельности человека в сидячем положении. Это обобщение является, таким образом, лексическим правилом употребления русского слова *стол*... Многим кажется, что это нельзя считать языковыми правилами, так как в основе нашего словоупотребления лежат понятия (здесь, без сомнения, Л. В. Щерба пользуется логическим термином „понятие“. — П. П.), которые, будучи для всех очевидными, не нуждаются якобы ни в каких правилах, ни в каких определениях. Однако такое мнение исходит из неправильного предположения о неподвижности наших понятий и даже об их исконности»⁴.

Л. В. Щерба называет используемое обобщение лексическим правилом, применяемым при обучении языку. И в самом деле, здесь идет речь о лексическом правиле, поскольку для знания языка необходимо твердое фиксирование определенного значения или даже целого пучка значений,

¹ См. Л. С. Ковтун, указ. соч., стр. 7.

² П. С. Попов, Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления, «Вестник Моск. ун-та», 1954, № 4, стр. 77.

³ См., например, Л. С. Ковтун, указ. соч., стр. 72 (разрядка наша. — П. П.).

⁴ Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе, М. — Л. 1947, стр. 67 (разрядка наша. — П. П.).

имеющегося у того или иного слова. Фиксируя свою логическую норму, Л. В. Щерба при этом совершенно правильно руководствовался и соответствующим логическим правилом. Разница лишь в том, что формальная логика отвлекается от всякого конкретного содержания, связанного с тем или иным словом, и не учитывает всех его сторон, между тем как слово в целом представляет собой сложное общественно-историческое явление, включающее многообразные ингредиенты: фонему, морфему, лексему, семему.

2

Состав правил, выдвигаемых логикой в отделе «понятия», очень прост. Эти правила касаются прежде всего точного разграничения различных видов понятий: единичных, общих, разделительных, собирательных, положительных, отрицательных; различных видов абстракций: генерализирующей, изолирующей и т. п. Затем идет очень важный отдел отличия совместимых и несовместимых понятий. Мы должны строго отличать тождественные понятия, понятия подчинения, перекрестные понятия; уметь оперировать соподчиненными понятиями и их видами, каковы понятия противоположные, противоречащие. Есть и более общие закономерности оперирования понятиями: таков закон обратного отношения объема и содержания понятий. Наконец, к этому аппарату, весьма элементарному, но вместе с тем очень строгому, нужно присоединить операции определения и деления с соответствующими деривативными правилами. Вот, в сущности говоря, и все содержание отдела о понятии. Но ведь как раз всем этим аппаратом неизменно пользуется и лексикология, и морфология, когда данные науки оперируют словом и его значениями. Л. В. Щерба дал в плане лексики то самое, о чем говорит логика: он сформулировал определение понятия «стол». Правила оперирования понятиями формальной логики так общи, что грань между тем, что логика называет понятием, и тем, что языковед называет значением слова, абсолютно стирается; пример Л. В. Щербы («стол»), иллюстрирующий, как нужно оперировать значениями слов, полностью совпадает с теми примерами, которые даются школьникам или студентам, когда проводятся практические занятия по основным отделам логики. Разница лишь в том, что на таких практических занятиях нас не интересует вопрос о специальных приемах обучения иностранному языку и т. п.

Разберемся в этом конкретно. Предположим, составляется лексикологическое пособие, скажем параллельный словарь двух или трех языков или толковый словарь. Здесь лексиколог оперирует значениями слов, но он оперирует этими значениями по тем же правилам, которые выдвигает логика в отделе «понятия». Понятия синонимов — это и есть то, что называется в логике тождественными понятиями. Так, в толковых словарях русского и других языков мы находим следующие истолкования значения слова: *вила* — «проступок»; *впрямь* — «действительно»; *жилой* — «обитаемый»; *заносчивый* — «высокомерный»; *Стамбул* — Константинополь; *domaine* — «propriété»; *géné* — «serré»; *sommaire* — «abrégé». В параллельных словарях: *извлечение* — «extractum»; *Geduld* — «терпение»; *Gegenwart* — «присутствие». Все это полноценные примеры для логики, когда она оперирует тождественными или равнозначными «бытовыми» понятиями. При этом как раз очень важен анализ того, имеется ли тут совпадение и по объему, и по содержанию, или же налицо расхождение; тогда нужно пополнить данное истолкование указанием на другое, близкое по значению слово. Но никакого различия между объемом и содержанием понятия, с одной стороны, и объемом и содержанием значения слова, с другой, нет и быть не может.

Совершенно так же мы оперируем и правилами подчинения понятий вне всякой зависимости от того, будем ли мы говорить при этом о «значении» слова или о «понятии».

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова читаем: «Вилка... предмет из столового прибора в виде ручки с двумя, тремя или четырьмя зубьями, которым берут и кладут в рот куски пищи». Перед нами не что иное, как пример родо-видовых отношений, а в конечном счете — определение. Род в данном примере — «предмет из столового прибора», вид — «вилка». Здесь подводится вид под род, т. е. дана схема определения.

Наиболее интересны случаи точного применения правил определения понятий, когда речь идет о словах, которые в различных языках относятся к одному кругу явлений, но значения которых по объему не совпадают, так что приходится прибегать к словесным ухищрениям — в конечном счете к тому, что логика называет перекрестными понятиями.

Возьмем такой пример. Конечно, чаще всего мы немецкое *Baum* переводим через *дерево*, но понятия здесь перекрестные. Под деревом мы разумеем не только самое растение, но и материал. Мы говорим: мебель *из черного дерева*. По-немецки же соответствующее выражение переводится через *schwarzes Holz*. В русском языке имеется соответствующее слово *дрова*, но опять-таки по объему слово *дрова* уже немецкого *Holz*. Стройматериалы мы дровами не назовем, а в немецком языке есть слово *Baumholz* — «строевое дерево».

Значение английского слова *number* распадается в русском языке по значениям двух слов и одного словосочетания. *Number* — значит и «номер», и «число», и «большое количество». Подобные взаимоотношения мы имеем и в следующих рядах: *poem* — «стихотворение», «поэма»; *line* — «линия», «черта», «шнур», «строка»; *student* — «студент», «ученый (изучающий)»; *figure* — «фигура», «изображение», «статуя», «чертеж», «диаграмма», «цифра»¹.

Приведем еще более сложный пример. Л. В. Щерба вкратце упоминает об одном гнезде слов², которые целесообразно проанализировать, выходя за пределы раскрытых Л. В. Щербой значений. Речь идет об очень прозаической одежде. Французское слово *pantalón* лишь до некоторой степени соответствует русскому слову *штаны*: тут целый ряд перекрестных понятий и рядов. Вопрос логический весьма осложняется, если к русскому словарю привлечь и немецкий. С одной стороны, объем понятия «штаны» выходит за пределы понятия «pantalón», ибо могут быть короткие штаны, а у французов для последнего понятия есть специальное слово *culotte*. С другой стороны, объем понятия «pantalón» гораздо шире, чем у понятия «штаны». Во-первых, *pantalón* может быть и верхней, и нижней одеждой, и французы могли бы обходиться без слова *caleçon*; во-вторых, *pantalón* могут быть и мужской, и женской одеждой. У нас же *штаны* являются частью лишь мужского туалета, а для обозначения нижнего женского белья используется слово *трико*. Немецкое *Hose* (ср. тождественное *Beinkleid*) больше соответствует французскому *pantalón*, будучи шире по объему соответствующего русского слова. И все же значе-

¹ См. А. П. Мордвилко, Лексические сопоставления как средство семантизации иностранных слов, «Иш. яз. в шк.», 1948 № 2, стр. 100.

По поводу последнего ряда автор замечает: «Из этой схемы видно и то, что слово может иметь (в разных контекстах) разные значения, а также и то, ... что, как правило, все эти значения имеют между собой внутреннюю логическую связь и поэтому их можно объединить вокруг одного общего понятия (в данном случае — *изображение*)» (там же, стр. 101). В своем объяснении автор безразлично (и совершенно закономерно) употребляет термины «понятие» и «значение».

² См. Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 68.

ния слов *pantalon* и *Hose* образуют перекрестные понятия. Если мы скажем просто *Hosen*, то это может означать принадлежность чисто мужского костюма, в противоположность *Damenhose*. Наряду с этим есть также слово *Badenhose* «купальные штаны» (по-русски *трусы* или *плавки*), которое нельзя перевести французским *pantalon* (есть специальное название *cache-sexe*). Здесь анализ полностью совпадает с аппаратом логических понятий, поскольку он охватывает связи перекрестных и подчиненных понятий в их отношении к подчиняющим.

Многие термины, принятые в морфологии, полностью отображают те взаимоотношения и связи, которые составляют содержание отдела о понятиях в формальной логике. Принятое в грамматике определение существительных нарицательных как «обобщенных названий однородных лиц, животных, вещей, событий и отвлеченных понятий»¹ ничем не отличается от формально-логического определения общего понятия. Совершенно правильно в грамматике наряду с названиями лиц, животных, вещей и событий указываются названия отвлеченных понятий. Здесь мы имеем дело с тем, что в логике называется понятиями о понятиях. Логика, далее, отличает собирательные понятия от общих, об этом трактует и морфология, которая устанавливает различия между существительными собирательными, отвлеченными и вещественными. С логической точки зрения, можно добавить, что в данном случае речь идет об отвлеченных именах, как продукте *и з о л и р у ю щ е й а б с т р а к ц и и* (например, «белизна», «борьба»). Вещественные же имена или понятия вошли в обиход логики лишь в нескольких английских пособиях, например у Минто, который, кстати сказать, по примеру других английских логиков вместо термина «понятие» использует термин «имя». Природа изолирующей абстракции раскрывается в грамматике на примерах существительных, образующих отвлеченные понятия. Очень важного раздела грамматики о субстантивации прилагательных не понять, если не мыслить логически, а следовательно, не фиксировать различие понятий, которые являются продуктом изолирующей абстракции и абстракции генерализующей. Наконец, когда в учении о союзах речь идет об однородных членах предложения, структура сочинительных и сложносочинительных предложений соответствует тому самому логическому аппарату, на котором держится все учение о соподчиненных понятиях.

Опять-таки, когда мы говорим о понятиях или о значениях слов, никаких различий в применении правил, выдвигаемых логикой в разделе о понятиях, при этом не обнаруживается. Да иначе и не могло бы быть, если признать основной тезис Маркса, писавшего, что действительность мысли — это язык. Более сложное понятие развивается при использовании различных сочетаний значений слов, и неправильным является обратное утверждение, будто значения слов представляют собой *в ы р а ж е н и е* понятий в слове. Самодовлеющего царства понятий не существует.

Характер и применение тех правил, которыми регулируется оперирование понятиями, о чем и идет речь в логике, вполне соответствуют тому лексическому материалу, который разрабатывается в определенных отделах языкознания; если перебрать все правила, то в них не найдутся такие закономерности, которые бы предполагали существование понятий, якобы развивающихся самостоятельно, вне языкового материала, и не были бы приложимы к тем значениям слов, которыми оперирует семасиология. Поэтому неправильно говорить, что в основе значения слова лежит закрепленное в нем понятие, ибо значение слова и есть понятие. Нельзя далее утверждать, будто «нет оснований сомневаться в адек-

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 104.

ватности значения слова понятию», ибо тут нет двух явлений, которые могут оказаться адекватными, а могут и не быть таковыми. Говорят также, что неправильная постановка вопроса может «увести» значение слова (предмет семасиологии) из области языкознания в область логики. Этим некоторые лингвисты хотят как бы поделить имущество: логика пусть занимается понятиями, а семасиология — значениями слов. Но ничего не подделаешь — имущество тут общее, только изучается это достояние с разных сторон, и изучение это таково, что языковед не может не пользоваться тем аппаратом мысли, который свойствен сфере понятий. В связи с этим вполне правильным будет положение, что всякое слово является носителем понятия (в широком, не специально научном смысле), что любому слову соответствует понятие.

Формулировка «п о н я т и я выражаются в значениях слов» правильна лишь в том случае, когда мы говорим о понятиях и значениях слов в порядке индивидуального опыта, когда понятия уже вполне сформировались на базе значения слов. Мы действительно «выражаем понятия в значениях слов», когда имеется в виду то, что мы подб и р а е м нужные слова, необходимые, вполне адекватные выражения для задуманной мысли, которая уже осмыслена нами на базе того или иного языкового материала, но мы ищем наиболее подходящее слово. В таком чисто индивидуальном плане мы имеем право говорить, что выражаем понятия через значения слов. Прав Ф. Травничек, утверждая: «Слова... общепонятны потому, что они выражают одну из форм мышления, а именно — понятия. Известное положение В. И. Ленина: „Всякое слово (речь) уже обобщает“, на наш взгляд, и указывает на природу общепонятности слов»¹.

Разумеется, внутренние законы развития языка никак не могут быть сведены к каким-нибудь логическим закономерностям. Отдельная смысловая ячейка пучка значений, которыми исчерпывается содержание слова, подчиняется всем нормам оперирования понятиями, но различные слои значений, которые охватываются тем или иным словом, есть продукт развития языка, что отражается неизбежно и на системе лексических значений. Производные значения слова, конечно, не могут дедуцироваться из основных исходных значений. Мы имеем дело с такими производными, переносными значениями того или иного слова, развитие которых логическим закономерностям и схемам не подчинено. Здесь действуют специфические языковые законы, определяющие своеобразие полисемии или многозначности слова. Слово обладает потенциальным свойством употребляться в нескольких значениях. Если мы возьмем слова разных языков, обозначающие один и тот же предмет или явление, то такие слова никогда не оказываются функционирующими в однозначном виде; неизменно нарастают целые слои побочных значений, и поэтому всякое слово представляет собой индивидуальность, т. е. нечто неповторимое. Поэтому-то лексика любого языка есть явление национальное.

Никогда нет полной синонимичности двух слов различных языков, всегда есть побочные значения, и эти побочные значения того или иного слова в одном языке никогда не могут полностью совпасть с побочными значениями соответствующего слова в другом языке. Отсюда идиомы, собственные всем языкам.

На ряде примеров мы видели, какое несовпадение может наблюдаться в основных, непроеизводных значениях слов, когда мы обращаемся к разным языкам; если же брать побочные или переносные смыслы тех же слов, то разнообразие окажется прямо неисчерпаемым. По-русски мы говорим

¹ Ф. Т р а в н и ч е к, Некоторые замечания о значении слова и понятии, ВЯ, 1956, № 1, стр. 74.

у него душа ушла в пятки, а по-немецки *das Herz ist ihm in die Hosen gefallen*. По-русски мы скажем если бы ты был в моей шкуре, по-немецки — *wenn du in meinen Hosen stecktest*. Идиоме *атаман-баба* в значении «она всем командует» в немецком языке соответствует *sie hat die Hosen an*, русской пословице *два сапога пара* — немецкая поговорка *zwei Hosen eines Tuchs*. Французскую пословицу *à la barbe de pantalon* по-русски можно передать лишь описательно: «в присутствии лица, наиболее заинтересованного в деле, и назло ему». Слово *pantalon* используется в качестве термина в неожиданной области — в танцах: так называлась одна из фигур во французской кадрили. Разумеется, если бы на старом балу, описанном, например, Толстым в «Анне Карениной», дирижер танцев Корсунский выкрикнул «штаны!», то это вызвало бы полный переполох, и никто бы ничего не понял; пельзя было бы произнести и «папталоны!», а только по-французски «*pantalon!*» У нас школьники называют чертеж, при помощи которого проводится доказательство теоремы Пифагора, пифагоровыми штанами.

Если учитывать все своеобразие выражений в каждом отдельном языке, то возникает важный вопрос, почему же при этом пестром и даже почти неуловимом разнообразии мысль оказывается неизменно единой, почему мысль обладает такой универсальностью, общечеловеческим характером? Для ответа на этот вопрос нужно зорко всмотреться в механизм того общественно-исторического явления, которое мы называем мыслью, мышлением.

3

Что такое мысль? Если ограничиться самым необходимым и вместе с тем самым простым и неотъемлемым признаком ее, не вдаваясь ни в какие подробности, то наиболее приемлемой будет формулировка И. М. Сеченова, который определяет мышление как способ опосредствованного знания. Он говорит: «Всякую мысль... можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении»¹.

Как возможно сопоставление мыслимых объектов и к каким отдельным мыслительным актам можно свести эту процедуру сопоставления? Сопоставляя, мы неизменно производим то или иное тождество и, наряду с этим, — различие. В семасиологии этому комплексу соответствуют синонимия и полисемия. Пользуясь словами речи, мы неизменно имеем дело с различными смыслами и значениями слов и вместе с тем производим их соединение, которое невозможно без того, чтобы эти связи не составляли единства, т. е. не опирались бы на те или иные тождественные, объединяющие моменты.

В самом деле, значения слов не существуют изолированно, они сопоставимы друг с другом. Если сложился язык и мы имеем, например, слова со значениями «дом» и «жилище», которые в основном отражают одно и то же явление действительности, то перед нами синонимия, хотя бы частичная. А это значит, что и в пределах одного языка мы неизменно сравниваем значения слов, а слова обозначают или нечто различное, или нечто частично совпадающее. Об этом совпадении приходится говорить уже во весь голос, если мы будем сопоставлять слова не только со словами, но и со словосочетаниями и, наконец, словосочетания — со словосочетаниями же.

¹ И. М. Сеченов, *Элементы мысли*, «Избр. философские и психологические произвед.», Госполитиздат, 1947, стр. 403. Ср. стр. 425 и др.

Если взять два любых языка, не родственных друг другу и развивающихся вне всякой взаимозависимости, то было бы совершенно абсурдно полагать, что эти языки не обнаружили бы явлений как синонимии (хотя бы частичной), так и полисемии (хотя бы в зачаточном, потенциальном виде). Пусть сочетания слов в двух параллельно развивающихся языках представляют собою совершенно различные типы, но во всяком случае сходство будет в том, что и там и здесь есть какие-то сочетания слов, иначе не было бы и речи. Наименее родственные языки сходны в том отношении, что отдельные слова, с одной стороны, обозначают разные явления, с другой — могут частично совпадать в том отношении, что, например, одно и то же живое существо можно назвать и ослом, и животным. Так еще Аристотель понимал соименные предметы; соименными для Аристотеля называются и человек и бык, поскольку и то и другое может быть названо зоон («Категории», 1а)¹. Как легко заметить, Аристотель говорит о синонимии недифференцированно, перенося центр тяжести с равнозначущих понятий на понятия соподчиненные, учитывая логический процесс подчинения (бык — *тварь*). Птица и кенар или канарейка будут синонимами. Если я не разобрался, что передо мной, кенар или канарейка, я скажу: это птица. И так происходит в любом языке, ибо в языке человечество уже овладевает абстракцией. Во всяком языке (конечно, если народ, пользующийся этим языком, встречается с такими животными, как быки и т. п.) бык может быть обозначен и другим словом с более широким значением. Лишь для первой сигнальной системы характерно то, что она не выходит за пределы конкретных данностей. Что же касается языка, то он всегда является продуктом, результатом абстрагирующей работы человеческого мышления.

Итак, люди владеют способностью сопоставлять смысл слов независимо от того, на каком конкретном языке они говорят. В пределах одного и того же языка эта способность в понятийном отношении одинакова со способностью человека сопоставлять значения слов-синонимов (в узком и аристотелевском смысле) и слов не-синонимов в других языках. Эта способность общечеловеческая. Таким образом, сопоставляя значения слов в пределах одного языка, люди выходят за рамки национального использования значений слов этого языка. Тем самым люди переходят к общечеловеческим мыслительным отношениям, позволяющим овладеть внеациональными связями смысла слов, ибо, повторяю, установление отношений значений разных слов есть черта, универсальная для всех языков, а если так, то легко понять, каким образом синонимика и другие, хотя бы обратные, отношения могут распространяться на слова другого языка путем переводов и в конечном счете приводить к знанию двух или многих языков.

Сопоставления слов по их различным значениям есть новая ступень абстракции по сравнению с той абстракцией, которая нужна, чтобы, например, предмет, за которым я пишу, назвать столом — не моим письменным столом, а просто столом.

Современная математическая логика выдвигает учение о типах абстракций: 1) нулевая ступень абстракции, это — вещи, предметы: «стена», «доска»; 2) первая ступень абстракции — свойство вещей: «белая стена», «серая доска»; 3) вторая ступень абстракции — свойства свойств: «белое, это — цвет». Вторая ступень абстракции непосредственно к вещам не приложима, доску или стену нельзя назвать цветом. Так и в языке. Первая ступень — имена, названия, имена вещей; они непосредственно приложимы к вещам. Вторая ступень — отношения между сло-

¹ В «Риторике» Аристотель давал другое толкование, соответствующее современному пониманию синонимии.

вами. Эти отношения уже не находятся в непосредственной связи со своей базой — данным конкретным языком, конкретными словами, они имеются во всех языках. Вторая ступень уже не носит национального характера, она общенациональна. Но отношения между элементами первой ступени вполне совместимы с отношениями второй ступени: национальный характер языка вполне совместим с общечеловеческим характером мышления.

О том же писал И. М. Сеченов: «Рядом с аналитическим процессом умножения объектов мысли идет обратный синтетический процесс сочетания тысяч и миллионов сходных индивидуальных особенностей в единичные термины или знаки; рядом с дроблением идет сортировка осколков в сходственные группы...»¹. Осколки для Сеченова — это признаки, аналитически улавливаемые. Предположим, перед нами стаканы различных форм, разных фирм, различных стекольных заводов, разных государств. Каждый стакан, каждый объект имеет множество признаков, отношений, связей. Мы берем эти признаки, признаки абстрактные, это уже — осколки. Далее мы группируем эти осколки. Но такие группы осколков уже теряют печать своего происхождения, для них не важно, из дробления каких по форме стаканов они взяты. Они — чистые абстракции; тут не важен источник, как и для отношений мыслей не важно, какой язык является носителем первоначальной мысли, т. е. значения слов.

Язык может развиваться и пополняться двумя противоположными путями, совмещая их: путем терминологизации значения слов и включения новых слов-терминов (т. е. путем освоения таких терминов, которые в состоянии точно обозначить одно и то же содержание в пределах разных языков). При таком развитии язык начинает проявлять тенденцию к выходу из узко национальных рамок. Противоположная тенденция — идиоматическая, когда язык начинает выявлять новые идиомы и фразеологические сращения. Идиомы и фразеологические сращения сугубо национальны.

4

Легко показать, как самые отвлеченные понятия философии при их возникновении были неразрывно связаны с национальными особенностями языка, но вовсе не остались в тесных рамках национальной, в данном случае — греческой философии, а получили распространение и развитие в других языках, на основе грамматических особенностей этих языков².

¹ И. М. Сеченов, указ. соч., стр. 487.

² К выводу о соответствии между глагольной структурой греческого языка и образованием понятий у греков приходит Ю. Штенцель (J. Stenzel, *Über den Einfluss der griechischen Sprache auf die philosophische Begriffsbildung*, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», Jg 24, 1924). Штенцель даже считает возможным говорить о «греческом образовании понятий» (стр. 163), что является неприемлемым с нашей точки зрения, ибо процесс образования понятий есть процесс общечеловеческий, а не национальный. Он подчеркивает исключительную эластичность греческого языка при субстантивации, весьма свойственной этому языку и важной в философском отношении.

Ни один язык, по мнению Штенцеля, не способен уловить в понятии смысл сложных связей наподобие аристотелевских *το τί ἐστιν* или *το τί ἐστιν* и др. С последним обобщением позволительно не согласиться. Как раз немецкому языку свойственна подобного же типа субстантивация, почему искусственные философские термины Аристотеля легко передаются в немецкой речи: так Болитц очень находчиво переводит *το τί ἐστιν* через *das Warum*, то *διὰ τί* прогов через *das erste Warum*; то *τί ἐστιν* через *das Was* (см. «Aristoteles Metaphysik», *übersetzt von H. Bonitz*, Berlin, 1890, стр. 7 и 133). Все переводы даны Болитцем не описательно, а с использованием грамматической специфики немецкого языка.

Тех особенностей греческого языка, которые анализируются в настоящей статье, Штенцель не касается.

В отличие от других языков, греческий язык располагает двумя формами отрицания, поскольку имеются две самостоятельные частицы $\alpha\upsilon$ и $\mu\eta$. $\alpha\upsilon$ отрицает прямо, безотносительно, объективно, поэтому ставится при изъявительном наклонении и при желательном с $\alpha\upsilon$, заменяющем изъявительное; $\mu\eta$ отрицает условно и имеет относительное значение, ставится при сослагательном наклонении. В связи с этим греческие выражения $\alpha\upsilon\kappa\ \delta\upsilon$ и $\mu\eta\ \delta\upsilon$ имеют различный оттенок, который стирается при переводе на русский язык: в обоих случаях приходится переводить «не-сущее» или «не-существующее». Один из основоположников так называемой элеатской философии Парменид, проповедовавший о неподвижности и вечности бытия, отстаивал следующий тезис: «Существует только бытие, небытия нет». Несуществующее и небытие, если верить другим греческим философам, Парменид не разграничивал, безразлично используя частицы $\alpha\upsilon\kappa$ и $\mu\eta$ ¹. При этом он вовсе игнорировал чувственный мир и не признавал никакой изменчивости. В отличие от Парменида, Платон в своей идеалистической, дуалистической системе проводил принципиальное различие, как он его понимал, между $\alpha\upsilon\kappa\ \delta\upsilon$ и $\mu\eta\ \delta\upsilon$. «Меон» есть условное несуществование, оно не вовсе исключает бытие; это — псевдобытие, т. е. все же бытие. Платон утверждал, что существует несуществующее ($\epsilon\sigma\tau\iota\ \tau\acute{\alpha}\ \mu\eta\ \delta\upsilon\tau\alpha$ — «Софист», 258, В — D) — здесь все построено на отличии $\mu\eta$ от $\alpha\upsilon\kappa$. Г. Коген писал: «В греческом языке, в котором не случайно и не в силу интеллектуального легкомыслия „логос“ [слово] одновременно значит „разум“, ... можно усмотреть полное глубокого смысла синтаксическое образование: а именно посредством частицы $\mu\eta$. Кажется, будто такой словесный оборот просто значит отрицание. Но почему дело не свелось к частице $\alpha\upsilon$? Какие бы разнообразные синтаксические тонкости ни благоприятствовали выработке такого оборота речи (Satzrichtung), все же остается необъясненным, в силу каких обстоятельств греческое умозрение связало свои основоположные понятия с этой случайной частицей и использовало ее в самых фундаментальных формулировках»². Коген недоумевал по поводу скованности идеологии Платона особенностями греческого синтаксиса, поскольку ему по существу был совсем чужд тезис о единстве языка и мышления.

Основное учение Платона пробило себе дорогу в миропонимание философов и других национальностей. Как это оказалось возможным? Поскольку другие языки, послужившие базой для распространения платоновских идей в средние века, в эпоху Ренессанса и позднее, не имели такого простого языкового средства, при помощи которого выражались идеи Платона, появились специальные философские термины «феноменон» и «ноуменон»; у Платона в гносеологическом плане им соответствуют $\alpha\upsilon\delta\epsilon\alpha$ и $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\eta\mu\eta$. Термины «феноменон» и «ноуменон», как мы видим, опирались на параллельные выражения Платона (например, «знание» и «мнение»); в таком виде они вошли в оборот философии и терминологически закрепились со времен Канта, различавшего мир феноменов и ноуменов. Только во времена очень изысканной схоластики начала XX в. под влиянием Гуссерля и гуссерлианцев некоторые авторы кокетничали выражением «меон», просто транскрибируя его³.

¹ Так, Аристотель передает учение Парменида словами: « $\epsilon\tau\epsilon\rho\alpha\ \gamma\alpha\rho\ \tau\acute{o}\ \delta\upsilon\ \tau\acute{o}\ \mu\eta\ \delta\upsilon\ \alpha\upsilon\delta\epsilon\iota\ \alpha\epsilon\iota\omega\varsigma\ \epsilon\iota\mu\alpha\iota$. У Теофраста же читаем: « $\epsilon\tau\acute{o}\ \pi\alpha\rho\alpha\ \tau\acute{o}\ \delta\upsilon\ \alpha\upsilon\kappa\alpha\upsilon\ \tau\acute{o}\ \alpha\upsilon\kappa\ \delta\upsilon\ \alpha\upsilon\delta\epsilon\iota$ ». (См. Н. Diels, Die Fragmente der Vorsokratiker, Bd. I, Berlin, 1906, стр. 109.)

² См. Н. Cohen, Logik der reinen Erkenntniss, Berlin, 1902, стр. 70.

³ Ср. А. Ф. Лосев, Диалектика числа у Плотина, М., 1928, стр. 27.

Развивая наметившуюся терминологию, Г. Тейхмюллер, спиритуалист платоновского типа, пишет свою книгу «Действительный и кажущийся мир». «Scheinbare Welt» (кажущийся мир) — это и есть $\mu\eta\ \delta\upsilon\acute{\nu}$ ¹.

Еще один вычурный термин появляется у агностика Файнтинера, назвавшего свой труд «Die Philosophie des Als-ob», т. е. «философия фикции». Фикции оказываются значимыми, они, в свою очередь, в каком-то смысле существуют.

Мы видим, таким образом, что значения слов, значения отдельных частиц оказываются носителями философских понятий, которые на первых порах не выходят из гнезда присущих слову значений. Но по мере развития мысли понятия становятся эластичнее, свободнее; они находят точку опоры в других элементах того же самого языка, а также в других языках, иной раз выражаясь описательными средствами этих языков, а порою закрепляясь в новых словообразованиях.

Анализируя взаимосвязь понятий и значений слов, нужно всегда помнить, что понятия никогда не могут существовать вне слов, вне языкового материала. Отрывать понятие от чувственного его носителя или компонента нельзя. Интересно, однако, что письменная речь знает такие знаки, которые фонетически невыразимы. Таково, например, иероглифическое письмо.

В египетской иероглифике мы имеем следующее изображение для передачи *kd* — спать:

Первые три знака — фонетические. Последний — рисунок глаза — ключевой (понятийный).

Молодой ученый Ю. В. Кнорозов, впервые выявивший принципы расшифровки письменности индейских племен майя (единственное чисто иероглифическое письмо в Америке), дает самое простое и исключительно четкое объяснение иероглифическим знакам в интересующем нас разрезе. В иероглифической системе он различает три группы знаков: идеограммы, ключевые знаки и фонетические знаки. Идеограмма есть знак, обозначающий слово. Идеограмма может быть реалистическим рисунком предмета, может быть стилизованным рисунком и, наконец, условным символом. Фонетические знаки обозначают либо отдельные звуки, либо слоги, либо сочетания согласных в зависимости от фонетики и морфологии данного языка. В третьей группе и скрывается то, чем мы заинтересованы. Ю. В. Кнорозов называет эту группу знаков ключевыми знаками, или детерминативами (определителями). Они указывают, каким образом следует осмыслить фонетические знаки. Ю. В. Кнорозов пишет: «Ключевые знаки... имеют только смысловое значение, но не звуковое, и л и и, и н а ч е г о в о р я, о б о з н а ч а ю т п о н я т и е»². Понятие как будто оголено, оторвано от фонетической стороны, но в иероглифической письменности это возможно, поскольку в качестве чувственной оболочки здесь имеется особый знак или рисунок. Без звуковой оболочки или заменяющей ее знаковой оболочки не может быть понятия. Понятия не представляют собой самодовлеющего царства чистых мыслей.

Подведем итоги:

1. Не следует без нужды умножать сущности, говорил еще в свое

¹ См., например, G. Teichmüller, Die wirkliche und die scheinbare Welt, Breslau, 1882, стр. 4.

² Ю. В. Кнорозов, Древняя письменность Центральной Америки, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 109 (разрядка наша. — П. П.). Ср. его же, Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе, «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955, стр. 10—11.

время Уильям Оккам, имея в виду излишества терминов и надуманные различия между ними. В отношении первоначальных бытовых или общеваровых понятий бессмысленно говорить о каких-то их особенностях сравнительно со значениями слов. В плоскости понятий в широком смысле значение слова и есть понятие, понятие и есть значение слова.

2. Понятия и значения слов не отличаются друг от друга принципиально, по своему происхождению: как значение слова немислимо вне самого слова, так и понятие и понятий вне языковой оболочки.

3. Концепция, согласно которой понятия как общественно-историческое явление находят свое выражение в языке через значение слов, ведет к идеалистическому представлению о том, что якобы существует самостоятельное царство оголенных понятий, воплощающихся в речи-мышлении.

4. Когда языковед оперирует значениями слов, он прилагает к ним тот самый логический аппарат, который фиксирует логика в разделе «понятия».

5. Отдельная смысловая ячейка пучка значений, охватывающих содержание слова, подчиняется всем правилам оперирования понятиями, но различные слои значений, которыми характеризуется семантическая структура слова в целом, есть продукт развития языка, не подлежащий никакому логизированию, — здесь действуют законы развития языка.

6. Не могут существовать вне языковой оболочки и научные понятия, но они уже не сводятся к простым значениям слов. Значения слов складываются стихийно и закрепляются многовековой практикой употребления слов в речи-мышлении. Научные понятия вырабатываются практикой познавательного мышления путем сознательного и целенаправленного отбора тех признаков понятий, которые выражают сущность исследуемого явления и его закономерностей.

Научные понятия, отражая существенное и необходимое в изучаемых явлениях, изменяются и развиваются в зависимости от того, что исследовательская мысль, действуя сознательно и целенаправленно, раскрывает, опираясь на все средства промышленности, техники, эксперимента, практики вообще, все новые слои в изучаемой действительности, углубляет знание от явления к сущности.

7. В пределах одного и того же языка, представляющего собою национальное явление, используются такие отношения между словами (синонимия, омонимия и т. п.) и словосочетаниями, такие типы связей слов, которые присущи любому другому языку. Такие абстрактные отношения не заключены в узкие, чисто национальные рамки и в этом смысле они вненациональны.

8. Мышление осуществляет два основных акта при освоении тех или иных явлений — различение и отождествление, анализ и синтез, обнаруживающиеся в пределах движения смыслов слов любого языка. Поэтому о мышлении мы говорим, как об общественно-историческом явлении, имеющем общечеловеческий характер.

9. Слова с терминированным значением образуют ту часть лексики, которая не носит черт специфического, национального характера. Эти слова легко переходят из лексической системы одного языка в соответствующую систему другого языка; это играет особую роль при развитии научных понятий-терминов.

10. Научные понятия, возникшие даже на базе неповторимых в другом языке грамматических особенностей, выходят, однако, за пределы национальных границ, используя другие языковые средства, оформляясь на базе нового языкового материала.